

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Научная статья

УДК 321.01

СВОБОДА КАК НЕ-ДОМИНИРОВАНИЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОРеспУБЛИКАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ И. БЕРЛИНА

Трофим Владимирович Козин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

SPIN: 3468-1860, ORCID: 0000-0001-8468-4750, kozintrofim@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу неореспубликанской концепции свободы как не-доминирования, разработанной Филиппом Петтитом, в контексте знаменитой дихотомии позитивной и негативной свободы, предложенной Исаией Берлиным. Актуальность исследования обусловлена непрекращающейся полемикой в политической философии вокруг определения свободы и претензий неореспубликанизма на преодоление берлиновской классификации. В работе последовательно реконструируются позиции Берлина и Петтита, выявляются ключевые аргументы последнего в пользу свободы как отсутствия произвольного вмешательства (non-domination). Основное внимание уделяется критическому разбору данной концепции: анализируются ее внутренние противоречия, такие как тезис о возможности «доминирования без активного вмешательства», смешение свободы с безопасностью и наличие в ней неэксплицированных позитивных элементов. Доказывается, что, вопреки заявлениям неореспубликанцев, их идеал не представляет собой третью, независимую концепцию, а является синтезом элементов берлиновской дихотомии. В заключении автор приходит к выводу, что, хотя критика Берлина и оказалась плодотворной для развития дискуссии, предложенная Петтитом альтернатива не лишена серьезных недостатков и не может считаться однозначно превосходящей берлиновский подход.

Ключевые слова: Исаия Берлин, неореспубликанизм, либерализм, Филип Петтит, не-доминирование, позитивная свобода, негативная свобода.

Original article

FREEDOM AS NON-DOMINATION: A CRITICAL ANALYSIS OF THE NEOREPUBLICAN CONCEPT IN THE CONTEXT OF I. BERLIN'S DICHOTOMY

Trofim V. Kozin

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

SPIN: 3468-1860, ORCID: 0000-0001-8468-4750, kozintrofim@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of the neorepublican concept of freedom as non-domination, developed by Philip Pettit, within the context of the famous dichotomy of positive and negative liberty proposed by Isaiah Berlin. The relevance of the study is determined by the ongoing debate in political philosophy regarding the definition of freedom and the claims of neorepublicanism to overcome the Berlinian classification. The work sequentially reconstructs the positions of Berlin, Skinner, and Pettit, identifying the latter's key arguments in favor of freedom as the absence of arbitrary interference (non-domination). The main focus is on a critical examination of this concept: its internal contradictions are analyzed, such as the thesis of the possibility of "domination without active interference," the conflation of freedom with security, and the presence of unacknowledged positive elements within it. It is argued that, contrary to the statements of the neorepublicans, their ideal does not represent a third, independent concept but is a synthesis of elements of the Berlinian dichotomy. In conclusion, the author asserts that while the criticism from Berlin has been fruitful

for the development of the discourse, Pettit's proposed alternative is not without serious shortcomings and cannot be considered unequivocally superior to the Berlinian approach.

Keywords: Isaiah Berlin, neo-republicanism, liberalism, Philip Pettit, non-domination, positive liberty, negative liberty.

Введение. Тема свободы присутствует в политico-философском дискурсе уже третье тысячелетие и до сих пор вызывает жаркие споры как внутри профессионального философского сообщества, так и далеко за его пределами. В разное время эти споры то затихали, то разгорались вновь, но вплоть до середины двадцатого века, как правило, были весьма хаотичными и потому не слишком плодотворными: число предлагаемых философами концепций все росло, а количество вопросов ничуть не уменьшалось, лишь приумножалось вместе с новыми идеями.

В этой гонке различных трактовок понятия свободы к началу двадцатого века в условные лидеры выбилась ее либеральная интерпретация. Дискуссия пошла на спад, но не прекратилась окончательно: продолжают появляться новые идеи (и идеалы) свободы, привнося в политическую философию еще больше разногласий и путаницы.

Попытку внести ясность в череду бесплодных дискуссий предпринял в 1958 году английский философ и историк идей Исаия Берлин, опубликовав свое знаменитое эссе «Два понимания свободы» [Берлин, 2014]. В нем мыслитель разделяет существующие идеи свободы на две концепции – негативную и позитивную.

В результате после публикации эссе Берлина старая дискуссия выходит на новый уровень. Споры выстраиваются уже не на противоборстве бесчисленного множества концепций свободы, а на противопоставлении двух выделенных Берлиным классов, разделяя философов на два «лагеря»: тех, кто отстаивает негативную концепцию, и тех, кто встает на защиту концепции позитивной.

Споры эти не прекращались на протяжении всей жизни Исаии Берлина, но, по иронии судьбы, в год его смерти выходит в свет книга ирландского философа Филипа Петтита «*Republicanism. A Theory of Freedom and Government*» (1997) [Pettit, 1997; Pettit, 2016], претендующая на решение сформулированной Берлиным дилеммы. В этой работе Петтит подвергает критике берлинскую дилемму и формулирует третью концепцию свободы, уходящую корнями в политическую философию Древнего Рима и итальянских республик эпохи Ренессанса – концепцию свободы как недоминирования (*non-domination*).

Свою критику Петтит выстраивает на прочном фундаменте, заложенном историком политической мысли Квентином Скиннером. Предположение о том, что задолго до расцвета либерализма существовал некий отличный от современных представлений идеал свободы, последний сформулировал еще в 1978 году [Skinner, 1978] и затем развил ее в более поздних работах [Skinner, 1983; Skinner, 1984]. Петтит же развивает этот тезис до полноценной политической философии (неореспубликанизм).

Разумеется, подобное сочинение не могло не обратить на себя внимания других философов. На сегодняшний день философия неореспубликанизма является одной из самых влиятельных. Предложенная Петтитом доктрина имеет множество сторонников и немало критиков. Вслед за ним к исследованию и обоснованию республиканской концепции свободы стали обращаться все новые авторы, буквально заполоняя своими работами почти все наиболее авторитетные журналы по политической теории и философии. А в 2004 году произошло и вовсе экстраординарное событие – новоизбранный премьер Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро назвал республиканизм философией своего правительства [Петтит, 2015: 68]. Подобного ажиотажа вокруг одной книги в политической философии не случалось со временем «Теории справедливости» Джона Ролза [Ролз, 1995]. И если о последней сегодня говорят все меньше, то работы Петтита (а их, помимо «Республиканизма», весьма много) продолжают собирать вокруг себя внушительные количества критиков и апологетов.

Дихотомия индивидуальной свободы: постановка проблемы. Свое основополагающее эссе «Два понимания свободы» И. Берлин начинает с констатации факта существования бесчисленного множества определений понятия «свобода». По его собственным подсчетам, их более двухсот, и это, считает философ, веский повод для опасений, поскольку благодаря своей многозначности этот фундаментальный политико-философский термин позволяет использовать себя в качестве орудия для не-

честных и даже преступных манипуляций со стороны власть имущих. При помощи богатого инструментария софистической риторики возможно утвердить и продвинуть фактически любое его значение, вплоть до оруэлловского «свобода – это рабство».

Однако в центре внимания Берлина – не всё то множество определений свободы, которое подарила человечеству двухтысячелетняя история философии, а лишь две ее концепции, преобладающие над остальными, начиная с философии Нового времени – негативная и позитивная свободы. Два этих диаметрально противоположных понимания имеют своих представителей среди философов, отстаивавших преимущество разделяемой ими концепции перед другой. Так, к негативному «лагерю» Берлин относит среди прочих Гоббса, Локка, Бентами и Милля, а к позитивному – Руссо, Гегеля и Маркса.

Одно из главных отличий двух вышеназванных концепций – это точка опоры, на которой строятся все последующие рассуждения о сущности понятия. Для негативного понимания такой опорой служит другой, а для позитивного – подлинное человеческое «Я». В первом случае свобода определяется как отсутствие вмешательства извне; во втором – как реализация своего «Я». Эти незначительные на первый взгляд отличия влекут за собой существенные разногласия.

Во-первых, негативная свобода, в отличие от своей позитивной «сестры», категорически отрицает способность индивида быть одновременно и объектом, и субъектом вмешательства. Иными словами, я не могу быть препятствием самому себе, даже если иду на поводу у своих разрушительных желаний или если действую, находясь под воздействием собственноручно и добровольно принятых психотропных веществ.

Во-вторых, столь же категорически негативная свобода отказывается признавать источником вмешательства природу во всех ее проявлениях. Скажем, если человек болен шизофренией, но не подвергается другими принудительному лечению, то по-прежнему считается свободным.

Позитивная же свобода, напротив, признает все вышеназванные факторы («самопорабощение» и «природные» причины) в качестве препятствий, встающих на пути нашей аутентичной личности.

Как раз здесь и начинает просматриваться разногласие, приведшее к разделению политических мыслителей на два лагеря. Все дело в том, что позитивная концепция, трактуя свободу вышеизложенным способом, допускает возможность «порабощения» индивида самим собой, из чего следует, что простое отсутствие вмешательства не является гарантом независимости индивида; напротив, его освобождение – в некоторых случаях – возможно только посредством вмешательства извне.

Именно это допущение открывает почти безграничные возможности для оправдания тоталитарных режимов и нарушения прав и свобод человека. Ведь если некий мудрый правитель обладает знанием, что есть благо для его граждан, а они в силу своей глупости не соглашаются с ним, то он не только может, но и в некотором смысле должен заставить их подчиниться своей воле.

Это-то и не пришлось по душе представителям негативного лагеря. С их точки зрения, принуждение, даже если оно служит высоким целям, даже если принуждаемые соглашаются на него, несовместимо с понятием свободы. Говоря словами самого Берлина, которого другие авторы относят к защитнику негативной концепции, «триумф деспотизма наступает тогда, когда рабы говорят, что они свободны» [Берлин, 2014: 176].

Подводя итоги своего эссе, Берлин пишет, что выработать универсальное и окончательное решение данной проблемы, по его мнению, едва ли удастся. Он признает, что, вероятно, мы нуждаемся в обеих концепциях, что подтверждает наша повседневная жизнь: «Я не хочу сказать, – пишет он, – что индивидуальная свобода даже в самых либеральных обществах – единственный или просто преобладающий критерий социального действия. Мы заставляем детей учиться, мы запрещаем публичные казни, этим определенно стесняя свободу. Оправдываем мы это тем, что невежество, варварское воспитание или жестокие забавы и зрелища – большее зло, чем те ограничения, которые необходимы для того, чтобы их устранить. Суждение это, в свою очередь, зависит от того, как мы определяем добро и зло, иными словами, от наших нравственных, религиозных, интеллектуальных, экономических и эстетических ценностей, которые опять-таки связаны с нашими представлениями о человеке и об основных требованиях его натуры» [Берлин, 2014: 181]. И далее: «Пределы свобод человека или народа выбирать жизнь в соответствии со своими устремлениями нужно соизмерять со многими другими ценностями, среди которых, возможно, самыми очевидными будут равенство, справедливость, счастье,

безопасность, общественный порядок. По этим соображениям, свобода не может быть безграничной» [Берлин, 2014: 182].

Именно в этом заключается основание плюрализма, которого придерживался Берлин, высказывая свое мнение относительно дихотомии свобод, и, по-видимому, именно этот плюрализм ввел в заблуждение многих авторов, рассматривающих Берлина в качестве сторонника негативной концепции свободы как отсутствия вмешательства (*non-interference*). Однако, из признания того факта, что все мы исповедуем разные, несовместимые и несоизмеримые ценности, вовсе не следует, что не-вмешательство является неким первичным благом. Точно так же отсюда нельзя сделать вывод, что позитивная свобода есть абсолютное зло. И Берлин это понимал, как никто другой. Так что попытки отнести его к сторонникам минимального государства или релятивистам являются не более, чем ошибочной интерпретацией. Как пишет об этом сам Берлин, «Я не релятивист; я не говорю: «Мне нравится кофе с молоком, а вам – без; я – за доброту, а вы – за концлагерь» - каждый из нас имеет собственные ценности, которые не могут быть преодолены или интегрированы. Я считаю, что это неправда. Но я действительно верю, что существует множество ценностей, к которым может стремиться и стремится человек, и что эти ценности различны» [Berlin, 2013].

Можно сказать, что главная забота Берлина – не обеспечение максимальной степени невмешательства, а недопущение подмены понятий, с помощью которого произвол, принуждение и насилие маскируются под благородным именем свободы.

Концепция Ф. Петтита. Петтит выстраивает свою критику [Петтит, 2015; Pettit, 2016; Pettit, 1989; Pettit, 2011], во многом опираясь на историческую ревизию, проделанную К. Скиннером. На первый взгляд может даже показаться, что он не предлагает ничего оригинального, а лишь повторяет положения своего кембриджского коллеги. Однако это не совсем так.

Дело в том, что критические замечания Скиннера и Петтита имеют одно существенное отличие: первый критикует Берлина по большей части как историка идей, а второй – скорее, как политического философа. Главная претензия Скиннера – упущенная Берлиным в его классификации третья, республиканская концепция свободы. Петтит же сомневается в верности и целесообразности его ценностного плюрализма и оправданности симпатий по отношению к негативной концепции. Таким образом, путем последовательной критики, сначала со стороны Скиннера, а затем со стороны Петтита возникает политическая философия неореспубликанизма.

Ядром этой политической философии является республиканский идеал свободы как недоминирования (*non-domination*). Данный идеал, по словам Петтита, не умещается в рамках негативно-позитивной дихотомии, сформулированной Берлиным, а представляет собой принципиально отличную концепцию. Если негативная концепция свободы состоит в отсутствии вмешательства со стороны других, а позитивная – в наличии господства над собой, то «что делать с промежуточной возможностью, свободой, состоящей хотя и в отсутствии, но в отсутствии господства со стороны других, а не в отсутствии вмешательства?» [Петтит, 2016: 60]. В этом и заключается отличие вмешательства от господства (доминирования) и, следовательно, отличие не-вмешательства от не-доминирования.

Согласно Петтиту, свобода как не-доминирование (или негосподство) означает отсутствие контроля чьей-либо внешней воли над волей человека, позволяющего влиять на выбор между альтернативами. Важная черта такого понимания состоит в том, что подобный контроль не обязательно выражается в форме непосредственного вмешательства.

Петтит выделяет три вида такого контроля.

1. Активное вмешательство полностью соответствует тому вмешательству, против которого выступают либеральные мыслители, сторонники негативной концепции свободы.

2. Надзор (наблюдение) подразумевает постоянный мониторинг действий объекта доминирования; при таком виде контроля непосредственное активное вмешательство происходит только в случае, когда объект перестает действовать в соответствии с планами наблюдателя или если изменяются сами эти планы.

3. Запугивание осуществляется путем демонстрации или имитации субъектом доминирования своих возможностей вмешательства и надзора, благодаря чему объект будет самостоятельно предугадывать волю субъекта и действовать в соответствии с этими представлениями; таким образом отпадает необходимость непосредственного вмешательства или надзора [Петтит, 2015].

Здесь мы сталкиваемся с одним из ключевых аргументов Петтита против либерального идеала свободы: «доминирование возможно без вмешательства, а вмешательство возможно без доминирования» [Петтит, 2016: 61]. Ошибка берлиновского (и в целом либерального) подхода к определению свободы в негативном ключе, по мнению Петтита, состоит таким образом из двух компонентов:

1) ошибка «тотальности вмешательства» – то есть представление, не учитывающее возможности вмешательства под контролем и при добровольном согласии объекта; в качестве одного из примеров приводится просьба Одиссея привязать его к мачте корабля;

2) ошибка «исключительности вмешательства» – признание непосредственного вмешательства единственной формой контроля.

В результате данные тезисы Петтита образуют достаточно последовательное и выверенное доказательство преимущества идеала свободы как не-доминирования перед идеалом свободы как не-вмешательства. Однако для более ясного понимания оснований его критики Берлина следует рассмотреть эту аргументацию несколько подробнее, разложив ее на части, поскольку здесь мы имеем дело с достаточно сложными концептами, в которых несложно запутаться.

Итак, мы имеем четыре взаимосвязанных концепта: вмешательство, невмешательство, доминирование и не-доминирование.

1. Вмешательство может быть как произвольным, так и непроизвольным. Непроизвольным оно будет в том случае, если акт вмешательства согласован с волей (и / или желанием) объекта вмешательства.

2. Соответственно, не-вмешательство является полной противоположностью предыдущего концепта, но уже не разделяется на какие бы то ни было подтипы, то есть предполагает отсутствие любой формы вмешательства – как произвольной, так и непроизвольной.

3. Доминирование также не делится ни на какие формы или типы. Оно есть исключительно произвольная форма вмешательства, то есть такая его разновидность, при которой отсутствует добровольное согласие объекта вмешательства.

4. И наконец не-доминирование означает отсутствие произвольной формы вмешательства, игнорируя при этом наличие или отсутствие его непроизвольной формы.

На этом основании Петтит проводит различие между двумя указанными идеалами свободы:

- Ни вмешательства, ни доминирования: хорошо для обоих идеалов.
- И вмешательство, и доминирование: плохо для обоих идеалов.
- Доминирование, но не вмешательство: плохо только для идеала недоминирования.
- Вмешательство, но не доминирование: плохо только для идеала невмешательства.

Уже на этом этапе становится ясно, что в качестве критерия степени произвольности вмешательства в аргументации Петтита выступают согласие и / или добровольное желание того, в чьей выбор это вмешательство осуществляется. Иными словами, если агент А вмешивается в выбор агента В по личной просьбе последнего, то первопричиной акта вмешательства мы можем считать волю В. Это же, в свою очередь, с очевидностью отсылает нас к позитивной концепции свободы. Точнее, к той части ее формулировки, согласно которой человека можно считать свободным только если совершаемые им действия (в том числе выбор) соответствуют его подлинным желаниям. Из этого следует, что в случае, если вмешательство А в дела В осуществляется согласно желанию последнего, но желание это не является подлинным, то и само вмешательство из не-господствующего превращается в господствующее.

В этой связи имеет смысл говорить о свободе как не-доминировании в контексте позитивной концепции (но не только). Хоть Петтит и утверждает, что республиканская свобода не является позитивной, налицо присутствие в ней позитивных элементов. Самым значимым из таких элементов, безусловно, является понятие воли и смежные с ним понятия согласия, добровольности и желания.

Все дело в том, что, если человек разделяет чужую волю (например, ту же волю коллектива), то есть как бы слияет ее со своей, то никакой проблемы нет. Проблемы начинаются только тогда, когда человек считает, что подчиняется неким правилам или ограничениям, будучи убежденным, что желает этого, в то время как на самом деле это желание не является в полной мере подлинным. Причины могут быть разными: отсутствие достаточной информации, непонимание, конформизм, предубеждение, подверженность влиянию и т. п.

Другое не до конца ясное – и, на наш взгляд, слабое – место аргументации Петтита – утверждение о том, что доминирование возможно без непосредственного вмешательства. Петтит совершенно прав относительно форм контроля, совершаемого человеком выбора: в качестве инструментов произвольного вмешательства могут выступать надзор и запугивание, а также различные формы манипуляции (например, обман). Однако автор «Республиканизма...», как нам кажется, ошибается в главном: доминированию всегда предшествует активное вмешательство (во многих случаях даже насилиственное). Более того, оно является необходимым условием осуществления доминирования. Возьмем излюбленный пример самого Петтита.

В данном примере речь идет о рабе, живущем при добром хозяине. Такому рабу дана полная свобода делать все, что он захочет, то есть раб в данном случае свободен с точки зрения идеала не-вмешательства. Однако, как утверждает Петтит, такой раб находится в состоянии доминирования, то есть зависимости от воли своего хозяина, поскольку тот в любой момент может изменить свое отношение и это, в свою очередь, повлечет за собой неминуемые последствия для его слуги. Само по себе утверждение убедительно и не вызывает сомнений относительно подчиненного положения раба: мы все соглашаемся, что он несвободен. Но является ли такой случай убедительным примером в пользу осуществимости доминирования без активного вмешательства? Едва ли.

Дело в том, что в примере с рабом умалчивается одно значительное обстоятельство: рабами становятся вследствие активного (насилиственного) вмешательства. Как мы знаем, большинство рабов у греков и римлян были военнопленными. Так что говорить здесь о доминировании без вмешательства едва ли представляется возможным.

Далее, Петтит утверждает, что концепция свободы как недоминирования наилучшим способом служит избавлению "человека от неизвестности и связанных с нею тревоги и невозможности планировать; от необходимости выстраивать стратегию в отношении могущественных лиц, вести себя с ними почтительно и предугадывать любые их желания, а также от подчинения, которое сопровождается общим сознанием того, что человек не защищен от возможности произвольного вмешательства со стороны другого" [Петтит, 2016: 167–168]. Весьма внушительный набор благ. Это наталкивает на мысль, что вопреки утверждениям о том, что свобода в неореспубликанизме рассматривается как самоценность и никогда как средство, концепция недоминирования содержит в себе направленность на какое(ие)-то другое(ие) благо(а).

И при внимательном прочтении труда Петтита мы можем обнаружить это благо. Им является не что иное как безопасность. Это отчетливо видно уже в первой главе книги, где говорится о том, что республиканская концепция свободы не является позитивной (что, как мы выяснили, также не совсем соответствует действительности). Процитируем отрывок, в котором Петтит ссылается на Ханну Питкин: «римский плебс стремился не к демократии, но к защите, не к публичной власти, но к личной безопасности» [Петтит, 2016: 70], а далее предоставляет слово Макиавелли: «Немногие из них домогаются свободы, чтобы повелевать, но бесчисленное множество полагает, что благо свободной жизни – в безопасности» [Петтит, 2016: 70].

Если наши наблюдения верны, то между безопасностью и свободой республиканцы неявно ставят знак равенства. Именно это, на наш взгляд, служит объяснением, почему Исаия Берлин, хоть и описал в своих работах близкие к республиканизму идеи, касающиеся свободы и произвольного вмешательства, не сделал на не-доминировании должного акцента. А вовсе не потому, что иначе ему бы пришлось признать приоритетность позитивной свободы, как считает Петтит [Pettit, 2011].

Наконец перейдем к последнему утверждению, которое, на наш взгляд, основывается на неверной интерпретации текстов Берлина. Основатели неореспубликанизма (Скиннер и Петтит) утверждают, что концепция свободы как недоминирования отличается от двух предложенных Берлином концепций, являясь, по сути, третьей альтернативой.

Здесь мы сталкиваемся сразу с двумя неточностями. Во-первых, как мы увидели раньше, в республиканской свободе присутствуют как негативные, так и позитивные элементы.

Во-вторых, две сформулированные Берлином концепции свободы вовсе не являются чем-то окончательным. На самом деле, как явствует из текста его эссе, это не столько концепции, сколько укрупненные классы, представляющие собой два противоположных полюса. Это отмечает и Чарльз

Тейлор, ученик Берлина, критикуя ввязавшихся в спор сторонников негативной и позитивной концепций. Такое узкое видение он иронично называет менталитетом Линии Мажино [Тэйлор, 2013]. Иными словами, концепции свободы Берлина больше походят на деление на правых и левых: здесь практически не может быть «чистой» негативной или позитивной концепции. Каждая конкретная концепция, высказанная тем или иным мыслителем лишь в какой-то определенной степени является негативной и / или позитивной.

Таким образом, мы можем заключить, что, несмотря на утверждение неореспубликанских авторов о том, что их идеал свободы не является позитивным и не умещается в классификации Берлина, в действительности дела обстоят с точностью до наоборот.

Однако в состоявшемся между Берлиным и Петтитом «споре» содержится еще одно обстоятельство, делающее сравнение их идей чрезвычайно сложным, почти невозможным. Как отмечает А. Глухов, «Берлин и Петти, живут в параллельных реальностях: в реальности Петтита концепция позитивной свободы интересна разве что маргинальной группе ценителей – «романтиков Контрпросвещения», тогда как в реальности Берлина такие опасные концепции, «выпадая из внимания тех, кому положено их осмыслять, приобретают неконтролируемый размах, вовлекают в свою орбиту массы людей и становятся неуязвимыми для рациональной критики». В эпоху триумфа «постправды» все труднее с уверенностью утверждать, что мы живем в реальности именно Петтита, а не Берлина. Исторический контекст берлиновского принципа свободы для Петтита остается настолько чуждым, что он сближает позиции Берлина и Арендт, чем, несомненно, шокировал бы обоих» [Глухов, 2018].

Другой важный момент, который вскрывает Глухов в своих работах, это незащищенность отдельного индивида в республике Петтита. Чтобы отстаивать свои права необходимо быть членом хотя бы какого-нибудь меньшинства, но оставаясь одиночкой, такой гражданин будет обречен на игнорирование: «у отдельного человека нет возможности выразить личное мнение; для гражданина единственный способ включить свою проблему в общественную повестку заключается в том, чтобы ассоциировать себя с тем или иным меньшинством: «если человек хочет взяться за дело своего освобождения... то он должен идентифицироваться с общим делом других в своем классе уязвимости», признать свое «членство в культуре меньшинства». В итоге отдельный человек не имеет слова в республике, когда высказывается исключительно от самого себя, ведь в таком случае возникает неопределенность перевода со своего языка на общий. Философски это, вероятно, связано с глобальным запретом на «приватную речь», которого придерживается аналитическая школа <...> С точки зрения Петтита, которую он разделяет с коммунитаристами и всеми сторонниками приоритета общественного над частным, в опоре на гражданственность нет ничего сверхъестественного, никакого «чуда»: ставить групповые и общие интересы превыше своих так же естественно, как дыхание; такова «наша феноменология» как вида живых существ [Глухов, 2018].

Примечательны рассуждения об этой проблеме Л. Свендсена: «Осознание абсолютной власти большинства приведет к тому, что меньшинство станет сдерживать себя, даже если большинство не вмешивается в его жизнь. Республиканский аргумент о том, что раб несвободен, поскольку не уверен в своей свободе, фактически является аргументом в пользу негативной свободы именно потому, что она очерчивает сферу, в которой индивид совершенно самостоятелен в своих решениях...» [Свендсен, 2016: 107]

Здесь мы видим очередное подтверждение вышеупомянутому нами предположению о причинах отсутствия у Берлина акцента на республиканском идеале свободы. Как мы хорошо знаем из его эссе, больше всего он опасался «растворения» индивида в толпе народа, но именно это и происходит, если мы принимаем неореспубликанскую концепцию свободы. Именно «принуждение к свободе» ждет гражданина республики, если он отказывается принимать общую волю. Но Петтит упорно «отказывается считать республиканское определение свободы позитивным, потому что, во-первых, смишивает теории Константа и Берлина, во-вторых, не допускает существование какого-либо языка, помимо республиканского» [Глухов, 2018: 264]. Кроме того, в определении свободы как недоминирования присутствует не до конца объясненное Петтитом понятие – понятие произвольного вмешательства. Какая власть произвольна, а какая – нет? По Петтиту, произвольной будет считаться такая власть, которая не согласуется с благополучием и предпочтениями подчиняющихся ей граждан. Но что это

проясняет? К сожалению, практически ничего, и именно подобные формулировки, допускающие разнотечения, согласно Берлину, подвергают риску нашу свободу.

К еще одному парадоксу приводит нас проницательное наблюдение Йена Шапиро, который говорит о пугающей незащищенности большинства перед властью меньшинства, которой его наделяет неореспубликанская теория. «Петтит составляет длинный список мер по ограничению политики большинства. – Пишет он. – Среди них и те, которые относятся к категории «сдержек и противовесов» (разделение властей, судебный надзор, независимость национального банка и т. д.), и наделение меньшинств особыми правами и привилегиями, и в ряде случаев право вето. Петтит признает, что право вето может блокировать легитимные изменения. Однако его размышления об этих вопросах показывают незнакомство с литературой по технологиям использования вето, показывающей, что имеющие право на вето зачастую оказываются политически могущественнее большинства».

Если оба представленных выше довода верны, то получается, что усилия Петтита по защите от господства как большинства, так и меньшинства, парадоксальным образом лишь подвергают тех и других большему риску.

В завершение хотелось бы обратить внимание на одну сентенцию Петтита: «Быть свободным – значит быть полностью пригодным для того, чтобы считаться способным нести ответственность» [Pettit, 2001: 4]. На наш взгляд, такому определению свободы парадоксальным образом лучше всего служит именно идеал Берлина, а не самого Петтита, поскольку, предлагая максимально безопасную и предсказуемую форму государства, неореспубликанизм тем самым лишает граждан необходимости нести ответственность в максимально возможном числе случаев. Когда почти все процессы заранее предрешены системой бюрократических институтов, едва ли у нас остается много пространства для принятия самостоятельных, и следовательно, ответственных решений.

Заключение. Заключая вышеописанный спор, актуализированный в XX веке Исаией Берлиным, необходимо признать несомненность влияния последнего на формирование политической философии неореспубликанизма (как и на политическую философию XX-XXI вв. в целом). Его пристальное внимание к деталям, отразившееся в созданном им разделении и упорядочении концепций свободы, позволило многовековой дискуссии выйти на новый, более плодотворный уровень.

Новый виток спора о свободах породил и новую концепцию, которая явила свое рода синтезом существовавших ранее тезиса и антитезиса. Нельзя не признать в этом заслуги Скиннера и Петтита.

Однако стоит также упомянуть, что, как было позже убедительно доказано рядом авторов [Coser, 2014; Crowder, 2002; Crowder, 2004], критика Берлина такими философами как Тэйлор, Скиннер и Петтит, хоть и является весьма плодотворной, все же не лишена серьезных недостатков, а порой и грубых ошибок в прочтении. Как было показано выше, Берлин гораздо ближе и «дружелюбнее» к неореспубликанцам, чем это казалось Скиннеру и Петтиту.

Главная ошибка почти всех без исключения критиков Берлина заключается в ложном представлении о том, что он выступает против позитивной концепции свободы. На самом же деле Берлин подвергает критике «не позитивную свободу в целом, а ее превращение в авторитарную доктрину» [Coser, 2014]. Также Берлин признает, что отсутствие вмешательства не обязательно обеспечивает свободу. И эта идея не единожды повторяется в его работах.

Также не вполне верным представляется рассмотрение упомянутыми авторами двух концепций свободы Берлина как окончательных. Как верно отмечено Ч. Тэйлором, концепции Берлина суть две крайние формы или, говоря точнее, два противоположных полюса, к которым может тяготеть та или иная конкретная концепция свободы (например, свобода как не-фрустрация Гоббса или свобода как не-доминирование Петтита). «Чистых» же негативных или позитивных концепций в истории политической мысли, по-видимому, не существует.

Далее, существенная часть направленной на Берлина критики как будто бы по умолчанию относит его к сторонникам и защитникам идеи минимального государства, что также не имеет ничего общего с реальностью. Напротив, в его работах допускается определенный уровень вмешательства, но только в том случае, если он направлен на обеспечение свободы выбора.

Довольно легко найти у Берлина и описание концепции свободы как недоминирования. Так, во введении к «Четырем эссе о свободе» [Berlin, 2002] он приводит пример рабочих конца XIX века, которые формально обладали негативной свободой, но при этом были полностью зависимы от воли работодателя. И Берлин отнюдь не считает такую мнимую свободу достаточной.

Впрочем, после ряда критических замечаний в свой адрес Петтит признал свое понимание аргументов Берлина узким, хотя и не забыл упомянуть, что тот все же не сделал необходимого акцента на проблеме господства, по-видимому, из-за того, что в противном случае ему пришлось бы становиться на сторону позитивной концепции.

Другой момент, отстаиваемый неореспубликанцами и также встречающийся у Берлина – отказ рассматривать свободу в качестве средства для достижения некоей более «высокой» цели(ей). И Берлин и Петтит рассматривают свободу как самоцель.

Наконец, последнее, – но не последнее по значимости – заблуждение критиков Берлина заключается в том, что большинство из них видели в его понимании свободы лишь жесткое разделение на две взаимоисключающие модели. Но они не смогли увидеть, что негативная и позитивная свободы определяются выбором между различными целями. Тем самым оба аспекта свободы важны как средство обеспечения выбора. А именно свобода выбора и является центральным звеном концепции свободы Берлина.

Помимо сказанного следует отметить, что неореспубликанская теория не лишена парадоксов и слепых пятен. Например, отрицая позитивную природу концепции свободы как не-доминирования, Петтит все же упорно продолжает включать в ее определение такие позитивные элементы как необходимость для ее поддержания определенным образом организованного общества, индивидуальную и коллективную волю, а также способность индивида к «самопоработочению». Сюда же стоит отнести вызывающее множество вопросов утверждение, что доминирование возможно без активного вмешательства, и такую формулировку свободы, из-за которой подчас данный концепт невозможно отличить от понятия безопасности.

За счет этих и других неточностей в формулировках и допущения разнотечений неореспубликанская теория, как нам кажется, оставляет возможность для подмены понятий, которую Берлин так стремился преодолеть в своих работах. Именно здесь таится опасность превращения общества из свободного в тоталитарное. Таким образом, на основании всего вышесказанного, мы можем заключить, что неореспубликанская концепция свободы как отсутствия доминирования, во-первых, не выходит за рамки классификации Берлина, как утверждают ее авторы, и, во-вторых, в силу своих недостатков не является лучшей альтернативой берлиновскому пониманию свободы.

Список источников

- Берлин, И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. с. 122185.*
- Берлин И. Liberty: Incorporating Four Essays on Liberty. Oxford: Oxford University Press, 2002. 382 с.*
- Берлин И. My intellectual path // The Power of Ideas. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2013. с. 1-28.*
- Глухов, А. А. Республианизм: исправление «кривой тесины» / А. А. Глухов // Логос. 2018. Vol. 28, № 2. с. 248-268.*
- Петтит, Ф. Гражданская республиканская теория / Ф. Петтит // Современная республиканская теория свободы. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. Р. 43-88.*
- Петтит, Ф. Республианизм. Теория свободы и государственного правления / Ф. Петтит. Москва: Издательство Института Гайдара, 2016. 488 с.*
- Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. 536 с.*

- Свендсен, Л. Философия свободы / Л. Свендсен. Москва: Прогресс-Традиция, 2016. 264 с.*
- Тэйлор, Ч. Что не так с негативной свободой? / Ч. Тэйлор // Логос. 2013. № 2 (92). с. 187-207.*
- Coser, I. The Concept of Liberty: the Polemic between the Neo-Republicans and Isaiah Berlin // Brazilian Polit. Sci. Rev. FapUNIFESP (SciELO), 2014. Vol. 8, № 3. P. 39-65.*
- Crowder, G. Isaiah Berlin: Liberty and Pluralism. Polity, 2004. 256 p.*
- Crowder, G. Liberalism and Value Pluralism // Contemp. Polit. Theory. 2002. Vol. 3. P. 122-124.*
- Pettit, P. A Theory of Freedom: From the Psychology to the Politics of Agency. Cambridge: Polity Press, 2001. 193 p.*
- Pettit, P. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford: Oxford University Press, 1997. 316 p.*
- Pettit, P. The Instability of Freedom as Noninterference: The Case of Isaiah Berlin // Ethics. 2011. Vol. 121, № 4. P. 693-716.*
- Skinner, Q. Machiavelli on the Maintenance of Liberty // Politics. Taylor & Francis Group, 1983. Vol. 18, № 2. P. 3-15.*
- Skinner, Q. The Foundations of Modern Political Thought. Volume 1, The Renaissance. Cambridge University Press, 1978. 330 p.*

Skinner Q. *The idea of negative liberty: philosophical and historical perspectives* // R. Rorty, J. Schneewind, & Q. Skinner (Eds.), *Philosophy in History: Essays in the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 193–222.

References

- Berlin, I. (2014) Dva ponimaniya svobody [Two Concepts of Liberty]. Berlin, I. *Filosofiya svobody*. Evropa. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 122–185. (In Russ.)
- Berlin, I. (2002) *Liberty: Incorporating Four Essays on Liberty*. Oxford: Oxford University Press: 382.
- Berlin, I. (2013) *My intellectual path. The Power of Ideas*. Princeton, Oxford: Princeton University Press: 1–28.
- Glukhov, A. A. (2018) Respublikanizm: ispravlenie «krivoy tesiny» [Republicanism: Straightening the "Crooked Timber"]. *Logos*, 28 (12): 248–268. (In Russ.)
- Pettit, Ph. (2015) Grazhdanskaya respublikanskaya teoriya [Civic Republican Theory]. *Sovremennaya respublikanskaya teoriya svobody*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge: 43–88. (In Russ.)
- Pettit, Ph. (2016) *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara: 488. (In Russ.)
- Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta: 536. (In Russ.)
- Svendsen, L. (2016) *Filosofiya svobody* [A Philosophy of Freedom]. Moscow: Progress-Traditsiya: 264. (In Russ.)
- Taylor, Ch. (2013) *Chto ne tak s negativnoy svobodoy?* [What's Wrong with Negative Liberty?]. Logos, no. 2 (92): 187–207. (In Russ.)
- Coser, I. (2014) The Concept of Liberty: the Polemic between the Neo-Republicans and Isaiah Berlin. *Brazilian Polit. Sci. Rev.* FapUNIFESP (SciELO), 8 (3): 39–65.
- Crowder, G. (2004) Isaiah Berlin: Liberty and Pluralism. *Polity*: 256.
- Crowder, G. (2002) Liberalism and Value Pluralism. *Contemp. Polit. Theory*, vol. 3: 122–124.
- Pettit, P. (2001) *A Theory of Freedom: From the Psychology to the Politics of Agency*. Cambridge: Polity Press: 193.
- Pettit, P. (1997) *Republicanism: A Theory of Freedom and Government*. Oxford: Oxford University Press: 316.
- Pettit, P. (2011) The Instability of Freedom as Noninterference: The Case of Isaiah Berlin. *Ethics*, vol. 121, no. 4: 693–716.
- Skinner, Q. (1983) *Machiavelli on the Maintenance of Liberty. Politics*. Taylor & Francis Group, vol. 18, no. 2: 3–15.
- Skinner, Q. (1978) *The Foundations of Modern Political Thought. Volume 1, The Renaissance*. Cambridge University Press: 330.
- Skinner, Q. (1984) The idea of negative liberty: philosophical and historical perspectives. R. Rorty, J. Schneewind, & Q. Skinner (Eds.), *Philosophy in History: Essays in the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press: 193–222.

© Козин Т.В., 2025

Информация об авторе:

Трофим Владимирович Козин – магистр философии, ассистент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, Санкт-Петербург, Россия, 191023. Автор 6 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, аналитическая философия, философия сознания.

Вклад автора: разработка концепции, проведение исследования, подготовка и редактирование текста, утверждение окончательного варианта. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось. Поступила 29.05.2025; принята после рецензирования 26.06.2025; опубликована онлайн 30.07.2025.

Information about the author:

Trofim V. Kozin – Master of Philosophy, Assistant of the Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, 30-32 Griboedova Canal Embankment, St. Petersburg, Russia, 191023. Author of 6 scientific publications. Research interests: political philosophy, analytic philosophy, philosophy of mind.

Author's contribution: conceptualisation, research, drafting and editing of the text, approval of the final version. No conflicts of interest related to this publication were reported. Received 29.05.2025; adopted after review 26.06.2025; published online 30.07.2025.